

Эна Трамп
Женский роман

Утопия

Эна Трамп

Женский роман. Утопия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43651287

ISBN 9785005028594

Аннотация

Правдивая история о том, как идеи анархизма изменили сознание, быт и жизнь одинокой женщины-риэлтора. Санкт-Петербург, 2008 год. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Женский роман

Утопия

Эна Трамп

© Эна Трамп, 2019

ISBN 978-5-0050-2859-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

[С́рок сорóк]

Ирина Петровна Лянская, одинокая женщина сорока лет, пьет чай перед тем, как отправиться на работу. Чай она пьет из пакетиков. А кофе растворимый. В прошлом у нее ничего не было. Было пару абортóв, какой-то муж, несколько любовников, теперь никого. Если об этом задуматься, то, действительно, впору удавиться – но она не задумывается. Она считает, что думать не о чем. Кстати, Ирина Петровна – это ее так называют; ей ведь не просто сорок лет: ей сорок два года (42) – худший возраст. Сорок! на этом бы остановиться, пусть было бы сорок да сорок, куда уж дальше – нет, катится всё куда-то (под гору, куда же еще). Поэтому, как только ей стукнуло сорок один, она и об этом перестала задумываться. Перешла в породу, которая при упоминании о годах старается перевести разговор куда-нибудь подальше. До этого не была. 39! – ведь это прелесть что такое. Как гордо можно сказать: «А сколько вам лет? – Тридцать девять!»

Сама себя она мысленно называет, когда называет, «Ира». «Ну что, Ира, то-то и то-то». Половой вопрос она решает при помощи онанизма. Не регулярно, а от случая к случаю – а вы что, хотите сказать, что вы регулярно трахаетесь? В такие-то годы. Зато уж тут вскрываются такие стороны ее характера, или организма, какие никогда не вскрывались ни

с одним из ее любовников – ну, может, вскрывались, но редко. Какой-то садо-мазохизм, пострадавшие (если называть это так) – всегда женщины; никогда – мужчины; иногда сама она, «Ира» (папа-то ее, Петр, тут точно не при чем), на месте «пострадавшей», иногда просто наблюдает. Откуда-то ниоткуда. Об этом она тоже не думает; когда все кончается – просто встает и занимается своими делами; как ничего не было. А если бы на ее работе об этом узнали, ее бы точно уволили.

Вот она уже на работе. Опаздывать не приходится. Раскладывает всё на своем месте. На этом месте она сидит больше десяти лет – место менялось, она не менялась – значит, с тридцати. До этого она меняла много мест, было у нее и какое-то образование – она не помнит, какое именно. Надо сказать, что училась она так, лишь бы получить что-либо, значит, и правильно, что не помнит, вполне могло быть какое-нибудь другое. Сейчас кризис, и половину работников, молодых, да ранних, уволили – ее не уволили. Хорошее место. Шеф тоже нормальный. На столе стоит компьютер, «Ира» вполне может набить двумя пальцами на клавиатуре какое-нибудь письмо, и довольно-таки быстро. Акакий Акакиевич такой, да? Карьера ее, как и все остальное, не интересует.

А как же она живет? А так. Как и 99 и 9 десятых процента страны, голосующих за Путина, или вообще ни за кого не голосующих. Голосует, надо полагать, та другая, одна десятая процента, которая беспрерывно мельтешится, и са-

ма не знает, чего она хочет – но полагает, что хочет. Они-то и составляют явку, или аудиторию, или материальную базу всех издающихся пресс – одна десятая, при таких размерах страны, вполне способна прокормить тоже активную часть по другую, ту сторону баррикады.

А зачем же мы взяли такую героиню? А затем, чтобы тем разительнее было всё остальное. Затем, что если с нею ничего не будет – и вместе с ней с 99,9% страны – значит, не будет ничего, никогда и ни с кем.

* * *

[Прыгающие тараканы]

Это фирма по продаже... чего? Ну чего-нибудь там. Недвижимости. Потому и держится на плаву, несмотря на кризис. Сама Ирина Петровна тоже была когда-то «агентом» – бегала там, встречалась с такими, ходила, показывала, сдавала, снимала – тогда-то, видимо, и стала «Петровной». Но с тех пор всё улучшилось. Прошлый шеф, который ее и повысил, ушел, новый пришел, а про нее как бы все и забыли. Иногда выгодно быть посредственным. «Посредственный» – не значит плохой. Надо справляться с работой; но при этом чтобы тебя не видели; чтобы при взгляде на тебя сзади просвечивала стена и чтобы мысль о тебе никому никогда не приходила в голову. Даже если хотят сделать евроремонт.

Фамилия своя ей отвратительна. Лянская – как вы думаете, как ее называли в школе? ну конечно, «Блянская», и даль-

ше – блядская, хотя блядского в ней не было ничего, даже в самые молодые годы. Был у них в фирме такой – Гранский; вот это дело. Гранский – Блян... тьфу, быть бы ей Гранской. Лянская – не означает ничего, а Гранский – ей это всегда казалось похожей на черный перец. То есть если бы она была Гранская: Гранская Ирина Петровна. Три «рэ» в трех словах. Без всяких матримониальных намерений. Гранит здесь еще гранит, то есть сквозит, а вовсе не стенка. Ну и где этот Гранский? Был такой хрен с кадыком; промелькнул, проскользнул и отцвел за полгода, возраст у него был уже не тот, чтобы быть агентом.

Машину она могла бы купить, у нее достаточно накоплений (это значит, переводя опять в русло самокритики, до которой она не охоча, но так выходит, – что тратить ей не на что) – но тратиться на машину? Это означает потратить сразу всё, а кроме того, тратить ей не для кого и незачем. Вот в тридцать лет она могла бы купить машину («и тогда жизнь ее! повернулась бы по-другому...»), но в тридцать лет как раз не было. Квартирный вопрос у нее решен. Без всякого онанизма. Есть комната в нормальной коммуналке; можно поставить душ, используя возможности на работе – у них там всё это быстро решается, но можно и помыться в ванной.

Сейчас скажу про нее что-нибудь хорошее. Никогда она не использовала никаких возможностей на работе.

Это потому, что ее фамилия Лянская – не Градская, не блядская и не какая-нибудь еще. Русская вообще-то фа-

милия (кто скажет «еврейская» – хрен тому в затылок. Разговаривает она по-русски и в школе читала русскую литературу, такую же, как и вы, и про родню свою ей не известно ничего – кроме, да, действительно, еврейской тётки, но с совершенно другой, еврейской фамилией, живущей тоже в коммуналке и в центре, и к которой она не ходит. И это не по мужу – у мужа ее была фамилия: Петров, такая же, как у нее отчество, когда она развелась, она поменяла паспорт обратно. Что, выкусили?). Хотя там наверняка примешались какие-нибудь ляхи. В соответствии с правилами исторической грамматики русского языка, когда редуцируются какие-нибудь согласные.

Но это не по нашей части.

* * *

Случилось сразу два происшествия. Ирина Петровна шла, напевая какую-то ерунду («Странник мой! Дорогой! Где ты шас – что с тобой...»). Погода была – так себе. Она шла по Литейному – работа ее, контора, была на углу Литейного и Некрасова – к себе домой, который находится примерно одинаково от Владимирской и Достоевской – и проходя мимо какого-то подвала, в котором был какой-то клуб или может быть магазин, заметила человека, сидящего прямо на ступеньках этого подвала. Так вышло, что ей надо было как раз в магазин десятью шагами вперед, чтобы купить на работу чай, и спускаясь по ступенькам из этого магазина,

она увидела этого человека еще раз. Человек сидел на том же месте, и на нем было написано «вечность». Ему было никому не нужно, и не было никого в целом свете, кому было бы что-нибудь нужно от него. Но человек этот был мужчина. К тому же, он был нерусской, как теперь принято говорить, «кавказской» национальности – хотя, скорее все-таки, «восточной». Скорее всего, он был таджик из той трудовой армии ползунов, тихо пьющих кровь рабочих мест европейских городов и крепнущих на пищевых отходах, чтобы незаметно, но верно, распрямившись телом и душой, сбросить пыльную оболочку и на правах реальных хозяев выдворить на ступеньки подвалов коренное, но прохлопавшее ушами свою нефть население.

В большом городе у человека очень развит автоматизм; и Ирина Петровна, поглядев на человека не более трех секунд, сразу же отвернулась и продолжала свою походку, – во-первых, потому, что если на тебя начнут смотреть? Ср. сказанное выше о рабочем месте; с твоей фамилией – напоминаю, Лянская – под землю захочется провалиться. А во-вторых, у нее были хорошие соседи. Семейная пара, тоже одинокие (без детей), работающие круглый день, занимающие две комнаты – каждый по одной; она с ними сталкивалась только на кухне. И что они скажут, если она приведет домой таджика? И что она сама может сказать этому мусульманину – он и по-русски вряд ли-то понимает, что она сможет ему сказать? «Сиди тут и никуда не выходи. Милиция,

понимаешь?» «Я иду на работу. Приду, принесу тебе еды». Он разляжется на диване и будет смотреть телевизор, потом, хватать, – а уже нет никого, и обчищена квартира. Хорошо бы, её – в конце концов, что ей терять; но еще и соседей, и еще, не дай бог, что зарежет.

Но наличие такой возможности польстило ей самой.

Иногда полезно посмотреть на себя чужими глазами. Этим же самым днем она вышла на улицу еще раз, хотя налетел дождь и пошел ветер. Но она решила купить себе машину. Не простую, а стиральную.

Надо было сначала зайти в банк. Банк работал до восьми. Она шла по Невскому, одетая в плащ и зонтом вперед под углом 40.

Всю свою жизнь И. П. Лянская жила в Петербурге. И все достопримечательности Петербурга были для нее обычным делом. Так, например, анархисты, стоявшие у метро Гостиного двора, стояли всю жизнь и продавали свою газету. Газету эту она не покупала; всё это было за пределами ее кругозора, Ленин, Сталин, – это были слова не ее лексикона. Но сами анархисты были в пределах ее кругозора, как у любого живущего здесь, и бородатый анархист – она считала его очень старым – с черным знаменем и, кажется, ружьём, – зимой-летом в черной белогвардейской шинели дореволюционного образца – это было что-то, что ее отличало от провинциалов и чем можно было прихвастнуть. Если бы было перед кем хвастать. Сама она даже не переходила на другую

сторону – шла мимо, не обращая внимания; так же как мимо Невского, Эрмитажа, Фонтанки, Мойки, Кунсткамеры, Луны, Марса, черта, дьявола, – перед собой хвастать ей было нечем.

И вот она шла по Невскому, в плаще и с зонтом, как раз по другой стороне, и боролась с дождем, который нагло хлестал, несмотря на зонт, ей в морду – и как раз за Домом Книги увидела их. Видимо, и, наверное, очень давно, они перешли на эту. Прямо на Малой Конюшенной стоял пикет – человек десять мокли под дождем, с плакатиками. Человек пять десантников стояли поодаль от них – видно, прошли, да остановились – и тоже мокли под дождем. Каждого из этих десантников хватило бы, чтобы разогнать не один такой «пикет» – но они не подходили – а мокли под дождем, и все по очереди дружно орали. «Пикетчики», всё пенсионного вида, стеснительно переминались – а отвечал «десантникам» только один (с ним, правда, рядом, стоял еще один, дюжий парень, тоже в камуфляже). Это был именно тот, со знаменем, черный анархист Пётр Кроп.

Выглядело это так:

–! Родина! Мать-мать-мать-мать-мать!

– Да подойди ты, подойди, я тебе скажу, за что ты воевал, что не подходишь? Я тебе бóшку проломлю, и дружки в кремле не помогут! Твой батя пиндос, твоя война с бабами, твой комбат бандит, а ты сам охраняешь шлюх и жрешь с их помойки!

Что-то в этом роде. Там дальше уже началось сплошное «ёб твою мать», и Ирине Петровне пришлось шарахнуться в сторону, потому что десантник, к которому это было отнесено, рвался ввысь, а другие трое его отводили («чё ты, это городской сумасшедший»). Но она заметила. Она заметила, что древко у знамени – железное (а ружьё? где оно?..), что анархист – молодой, и из-под черной бороды пламенеют жемчужные зубы и ястребиный взгляд, и что шинели никакой нет, а отражают дождь, да, солдатские сапоги и кожанка пролетарского вида.

Мораль: берегитесь нас, русских баб. Даже некрасивых и не годящихся по возрасту в шляхи.

* * *

[Магомет идет к горе]

Машину она себе купила. Приезжали трое мужиков, установили в кухне (соседка выглянула – были выходные; И. П. не стала бы для этого отпрашиваться с работы), отказались за деньги выносить на помойку старую, которой она до этого пользовалась в целях что стирать было особенно нечего; вынесла она сама, с соседом, вполне еще крепким. Был небольшой вопрос с электричеством, который быстро уладили, И. П. изучила инструкцию, собрала все постельное белье, засунула его, засыпала порошка – машина стала стирать, а она – смотреть. Зрелище было завораживающее, особенно когда она, на отжиме, когда уже оборотов было набрано – больше

некуда, вдруг затихла – и вдруг как-то по-особенному загудела и – стало понятно, что это уже по-настоящему, закрутилась так, что затряслась, и – И. П. вспомнила самолет: сейчас должна была тронуться и поехать, а потом – взлететь. Не слетать ли в Турцию?

«Ира» (подумала она про себя) включила телевизор. Показывали «Анна и император», про какую-то Анну и последнего японского императора. Она почувствовала, хотя был день, что засыпает. «Жизнь есть сон», – подумала Ирина Петровна, в полном согласии с неведомым ей Кальдероном. «Но такой, – дальше продолжала уже сама, – в котором наяву приходится перебирать ногами». Скорей бы он проснулся весь.

Она встряхнулась и, вместо того чтобы окончательно провалиться в небытие, села.

Она решила сходить на Невский и посмотреть, нет ли там того пикета. И купить газету – что такого?

Был! – и Ирина Петровна, окончательно – «Ира», почувствовала, как по-девически бьется сердце. Между прочим, ей повезло: мы собирались в 12 часов, а в два часа к нам в общежитие, где я собиралась устроить нечто под названием «семинар» по Маркузе, из которого навывисывала цитаты, намереваясь перевернуть ими сначала самосознание соратников, а потом при их помощи приступить к соотечественникам. В два ноль пять, как говорил д'Артаньян (тоже, кстати, армянин), я вам уши на ходу обрежу. То есть она бы ни-

кого не застала.

Мелкими шажками она просеменила мимо, успев лишь заметить, что пикет побольше (был светлый денек) и стоящие с плакатами (лицом) мирно, на этот раз, разговаривают с несколькими остановившимися (спиной).

Так она дошла до Дома военной книги и маршировала бы дальше. Пришлось развернуться.

Она прошла бы опять мимо, и тут ей ничего не осталось, как отправиться домой, – если бы не рука в кармане, сжимающая десятку. Почувствовав себя увереннее, Ира остановилась.

Анархист общался с дедушкой в медалях. Ира приблизилась. Дедушка своевременно отчалил. Анархист повернул к ней лицо, с которого еще не сошла улыбка.

– Здравствуйте, – сказала Ира.

– Здравствуйте, – сказал анархист.

– Я бы хотела купить газету, – сказала Ира.

– Пожалуйста, – сказал анархист. – Десять рублей. Три последних номера двадцать.

– Нет, мне одну, – сказала она.

Анархист подал ей газету. Ира спрятала ее в сумочку. Уходить?

Анархист заметил это. – Что-нибудь еще? – сказал он.

– Да, – сказала Ира. – А... Можно с вами постоять?

Анархист расплылся до ушей. – Да, конечно. Подвиньтесь! – он свободной рукой расширил ряд. – А вы кто такая?

– Я... – Ира смешалась. Обыватель? Представитель среднего класса? – Я риэлтор, – сказала она.

– Это понятно, – сказал анархист. – Как вас зовут? Вы, Ирина Петровна, не согласны с политикой властей по кавказскому вопросу?

– Я не знаю, – сказала Ира, переживая новое в своей жизни ощущение. Вот она, Лянская, в ряду пикетчиков. Позор! Никакого позора она не чувствовала. Люди, с которыми бок о бок она стояла лицом к текущим по Невскому, оказались нормальными, обычными людьми. Такие же работали у них в конторе. Краем уха она слышала на левом фланге от себя разговоры – нормальные, обычные. Да никто на них и не смотрел. Оказывается, скрыться можно и на виду. Даже, может быть, и лучше на виду. Ей захотелось сейчас же сделать что-нибудь еще. – Политикой должны заниматься профессионалы, – сказала она.

– Ах вот как, – сказал анархист. – Значит вы, Ирина Петровна, согласны с тем, что обманывать вас должны профессионально?

– Почему обманывать? – сказала она. – Если я буду обманывать, меня уволят.

– А как насчет «поэтом можешь ты не быть...»? – вылез из-под локтя Кропа плотный низенький мужичок. Радужный плакат в его руке г (о) ла (о) сил: «Путин – тexasский койот!» Под надписью было изображено животное, издали принятое ею за крокодила.

– Я плачу налоги, – сказала она.

– Подождите, – сказал анархист. – Политики быть не должно. – Он разговаривал с ней внятно, произнося слова отдельно – воспитатель в детском саду, втолковывающий трехлеткам нормы общежития. – Человек – любой, вы в том числе, Ирина Петровна – способен охватить рассудком свою жизнь. Никто не вправе решать за вас, куда вы отдадите часть – заработанных вашим умом, трудом и временем – денег. Как только вы передоверили это право – вы обмануты. У вас отняли эту часть ума. И вас ровно на столько стало меньше. Взамен вам подсунули – поскольку природа не терпит пустоты – жвачку. Вы корова, Ирина Петровна. Между тем как прибравшие эту вашу часть – власть – и прихватив такую же у ваших соседей, как золото у индейцев, – теперь умножают эти части друг на друга. Получаются астрономические цифры. Уже не обман, но прямая махинация. Этими цифрами можно вершить что угодно. Вашим именем – вашим, Ирина Петровна. Вы слышите меня? Гриб. Это гриб. Этот гриб должен быть уничтожен.

– Как вы собираетесь его уничтожить? – спросила она.

– Э-ээ... – анархист поморщился, оглянулся на пикет. – Кисло, – сказал он. – С этим тухло. Вы правы, Ирина Петровна.

– Петр, пора сворачиваться. Третий час на дворе. Вы едете в общежитие?

– Еду, – сказал анархист. – Ирина Петровна, вы едете в об-

щежитие?

– Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз. Мне пора домой.

– А, – сказал анархист. – Ну приходите еще. В двенадцать часов, каждое воскресенье.

* * *

[Хлеб с вареньем]

Месяц, около того, ничего не происходило. Газету она выбросила. Называлась она «Путь домой», или как бы она там ни называлась. Читать ее она не стала. На первой странице – какие-то картинки, на второй – мелкий, плотный текст без всяких картинок. По Невскому она больше не ходила – и незачем было ей туда ходить. Хотя рожи знакомые по городу стали попадаться – но она делала козью морду, давно отработав этот прием на одноклассниках – или, например, если ехать в лифте. Одноклассников она не любила – те были сплошное мemento мори, все уже орнаментированные внуками (наверное). И одноклассники ее не любили – кой черт любить человека, который проходит мимо тебя с таким видом, как будто бы он не И. П. Лянская, а что-то другое. Одноклассники ру! За одно это «ру» следовало бы предать их мечам и пожарам, до внуков включительно. Нельзя, однако, отрицать, что в городе у нее был теперь один лишний знакомый (сослуживцев не берем, хотя мимо них, как мимо одноклассников, не пройдешь). В своих сексуальных упражнениях она его романтический образ не употребляла. А мо-

жет, употребляла – нет возможности это узнать, поскольку, как отмечено выше, сама И. П. в мыслях этого не держала, а если человек не обдумывает собственное времяпровождение, тут и детектор лжи не поможет. В свою очередь, Кроп не мог знать, кто была эта дама, удовлетворявшая таким неизысканным образом свой праздный интерес, и не исключал в ее лице вторжение кагэбэ, или как бы оно там ни называлось. Но у него был без того хлопот полон рот. Антифашисты столкнулись с фашистами на узенькой дорожке. Встретились два одиночества. Отдельные представители получили черепно-мозговые травмы. И хоть сам Кроп ни сном ни делом был тут ни при чем, правильно полагая, что главный враг в твоей стране – главный враг сидит в Кремле, а эти шавки способны лишь иллюстрировать собой потенциальную энергию масс, бездарно обращающуюся в кинетическую, – но дискутировать явления физики и биологии с полицией времени не находил, и, имея в своем распоряжении отечество – все человечество, готовился к отбытию в палестины с географической столицей «Киев», где к политике относятся посерьезнее. По национальности он был – немец. Лишая этим в своем лице Петербург уникальной местной достопримечательности, что, по нашему мнению, было с его стороны в корне совсем неверно. Телевизор работал, убеждая взять на воспитание детдомовца или двух и суля материальную мзду, а также относить лишние пальто, хотя было лето, бомзам отечественного производства. Без всякой

мзды. Машина не работала, поскольку всё перестирала. Лянская работала, поскольку никакой кризис пожеланий клиентов в крыше над головой не отменял.

* * *

[Смычка смычка]

Не надо только думать, что Кроп не работал. Он работал. Когда-то, на заре капитализма в России, он работал даже учителем истории, – и он прекрасно помнил, чему учился, и чему учил, и какое именно у него было образование. И даже он работал на стройке. Вместе со всеми этими чем-то ему (не «классово». Кроп не был марксистом, ни «нео» и даже ни «анти», – ни в каком смысле слова; и в классы он не верил) близкими таджиками и белорусами. Скажем для простоты: они были меньшинства, а он тоже ощущал себя в меньшинстве. Но среди которых революции, к сожалению, было еще меньше, чем в этом «вшивом» пикете (это его собственные слова. Он говорил это без всякого осуждения, и про себя так мог сказать. Просто как признание исторического факта).

Но вообще-то он считал, что он и так достаточно всего делает – что была чистая правда – и в деле воспитания молодежи, в частности, – что тоже было правдой в определенном смысле. Здесь вообще не будет ничего, кроме правды. Или, опять лучше скажем: исторической справедливости – потому что что такое правда? как сказал другой анархист, Саша, как раз после той лекции по Маркузе – «что такое Магид?»

Магид – это еврей. Читатель весь уже истомился в ожидании еврея. Вот еврей. Здесь будет достаточно евреев, читатель может так не беспокоиться. Все они будут очень хорошие люди.

А у Кропа была жена, очень хорошая женщина. Но только она не разделяла его политических увлечений. Жили они при этом мирно, и даже дружно, потому что мало ли у кого какие увлечения.

А у жены была квартира. Не та квартира, в которой они жили, которая вообще была неизвестно чья, мне, во всяком случае, это не известно, а еще квартира. Кто-то из родственников умер, а квартира осталась, она ее то сдавала, то не сдавала, до чего Кропу не было никакого дела, он до этой квартиры не касался. Но вот теперь она решила ее продать. Потому что дочке надо поступать, и что-то еще, и что-то еще. Да, но только она работала. И работала она не в агентстве, как Ирина Петровна, просто себе работала весь день. И вот они договорились, что Кроп вместо нее ходит в агентство и узнает, что сейчас с продажами квартир. Инстанций Кроп не боялся, один раз он дошел даже до Европейского суда по правам человека. И к тому же, в свете грядущего переезда, ему нужна была какая-то сумма денег, пусть не очень большая, хотя бы на первый месяц, пока он там не укоренится. А там он рассчитывал на газету. И на радио. А вы, прежде чем говорить, попробуйте хотя бы один раз издать газету, хотя бы формата А4, узнаете тогда, что это такое.

Первое же агентство, в которое он зашел, когда наконец собрался зайти, было то, в котором работала Ирина Петровна. Можете себе представить, что дальше было.

* * *

Кроп бы не так перепугался – я думаю, он вообще бы не перепугался – если бы к нему в квартиру вломился наряд ОМОНа конфисковывать его компьютер, на котором у него были в основном чеченские песни на русском языке – про пророка, и священную войну, точно как наши про Афган, но поэмоциональней – не то чтобы он любил пророка, просто эти песни давали ему что-то, чего ему здесь не хватало. Как перепугалась Лянская, когда он вошел к ним в контору. При том, что он ее даже не узнал. Он ее узнал, когда она перепугалась – и выскочила курить. При том, что она не курила. Она была кем-то вроде секретаря; и диспетчера; и еще в ее ведении были базы данных – то есть с широкими полномочиями. И она не сидела прямо сразу на входе – там сидела девушка внешних качеств, которая любезно приветствовала посетителя, и Кропа она поприветствовала, – у нее была отдельная комната. Просто в эту комнату дверь была открыта. И в эту дверь она увидела Кропа. Лянская не верила ни в пророка, ни в страшный суд – но в эту минуту она поверила в страшный суд. Мы называем это «историческая справедливость».

Кроп спокойно узнал то, что ему хотелось – ему, конечно, сказали то, что ему хотелось, а не то, что на самом деле: что

никто не хочет сейчас покупать квартир, потому что недвижимость дешевет, доллар растет, доллар падает, и кризис. Там побаивались говорить слово «кризис», потому что все там верили в историческую справедливость. Мы тоже не любим это слово, но по другим причинам. И после этого он спокойно вышел. А там стояла Ирина Петровна, и затягивалась тонкой сигаретой, которую она стрельнула у сотрудников. Которые на ее счастье уже докурили. И сказал:

– Здравствуйте, Ирина Петровна. – Он даже вспомнил, как ее зовут.

– Я себя плохо чувствую, – сказала Ира.

– Я же вас не зову сразу подкладывать бомбу под паровоз, – сказал Кроп. Потому что у него было хорошее настроение. – Хотя, – сказал он, повнимательнее поглядев на нее, – вы бы для этого очень подошли. У вас отличные внешние данные. Вас никто в толпе не узнает. И вы, мне кажется, никогда не расколется. Потому что вы не думаете ни о чем. Вам просто нечего будет сказать.

Кроп, конечно, был далеко не глупый человек. Но в эту минуту он сам ни о чем не думал. Он просто так сказал. Так часто бывает.

Но тут он увидел, что она действительно себя плохо чувствует.

Историческая справедливость. Врезка

Исторической справедливости не существует. В этом ро-

мане историческую справедливость замещаю я. Здесь разрешение сверхдетерминированного противоречия, в котором запутались марксисты. Маркс – не евангелие. Он вовсе не говорит, что придут зелененькие человечки. Может показаться, что именно так он и говорит. Сидите тогда в своем интернете и ждите обобществления производства – как сидят на «Ниссане» русские работники в рабочее время в «Живом журнале», да еще вам орден дадут («Ниссан», надо полагать), за то что ничего не делали и способствовали объективным законам. Сдохнете, не дождетесь. Сегодня все умные люди отвернулись от Маркса, потому что где? это, то что обещал?.. уже должно быть? – а нету. Вы поищите не там, где вам кажется что кто-то что-то потерял, а там где светло. Железной рукой я подтасовываю факты, и делаю так, что никто не замечает отступлений от действительности – потому что действительность только тогда и действительность, когда кто-то подтасовывает факты, а без этого она – нихт. Ничего не происходит. Справедливость – чисто человеческое понятие, нигде больше в природе его нет. А значит, моё. Поехали дальше.

Кроп поэтому не стал оглашать то, что еще готово было слететь с языка: что-то: и в этом, мол, вы аллегория нынешней спячки-страны, и с вас бы лепить бы-де родину-мать – митинги митингами, а он был, как уже только что отмечено, в отличие от всех почти ораторов в своей категории,

не слишком-то глупый человек, и к тому же быстро ориентировался. Не сносить бы ему иначе своей головы до таких седых яиц. Ему было лишь под сорок – или чуть с гаком. Для мужчины самое то; а для политика – уже не то. Для политика, собственно, он был такой же перезрелый, как И. П. в своем роде. И поэтому, может быть, он к ней почувствовал чувство сострадания. Хотя! Кроп не любил эпилептиков; бомжей; всяких вообще психопатов – слишком много их навиделся: был такой дедушка на пикете, очень любезный, из Алма-Аты, он всем щиро улыбался, а сам раскладывал прямо на Невском плакаты с родословной Путина до самых израильских патриархов. Пришлось его убрать. Вежливо. Вежливый он был. Кроп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.